

Воистину отец и сын – достойная пара, даже их реплики звучат по одному образу и подобию... От этой мысли уголки губ Ци Цзина приподнялись вверх, но это движение так и не завершилось.

Как-никак перед отцом он давно уже не мог широко улыбаться.

- Я просто хотел позвонить домой... спросить, как у вас дела, – с недотянутой улыбкой на губах тихо повторил Ци Цзин.

Хотя ответ не изменился по сравнению с тем, который он дал, когда разговаривал с братом, Ци Цзин сморщил нос, и от этого тон его стал кислым и слабым, как скомканная бумага, которую нельзя разгладить, как не старайся. Ци Цзин очень хотел бы, чтобы его левая рука не была сломана, и он смог бы держать телефон сразу двумя руками, потому что не знал, не задрожат ли они так, что он уронит телефон.

Человек на том конце провода замолчал на десяток секунд.

- Тут не о чем спрашивать.

Как и можно было ожидать, их ответы тоже были копией друг друга. При таком продолжении разговора они застряли в мертвой тишине.

Как и можно было ожидать, он тоже повесит трубку.

Ци Цзин подумал, что перед звонком явно мало вдохнул холодного воздуха, – он чувствовал в груди пронизывающий до костей холод, от которого начинали дрожать даже плечи. Он изо всех сил старался, чтобы его голос не вышел из-под контроля.

- Хорошо... Я понял.

Собеседник опять не ответил.

Большой палец Ци Цзина завис над кнопкой завершения вызова, но в этот момент он еще не набрался решимости ее нажать. Поторопись – уговаривал он себя – ведь этот человек наверняка ждет, когда ты повесишь трубку.

Но в эту секунду его отец вдруг заговорил:

- Что-то случилось?

Ци Цзин потерял дар речи.

Отец одновременно тоже засомневался и добавил довольно резким тоном:

- Что, тебя опять какой-то мужик бросил?

Слова отца, без сомнений, намекали на тот случай, когда он вышел из шкафа ради своего бывшего, но в результате тот решил жениться, создать семью, а его самого отбросить в сторону и оставить разбираться с последствиями. Было ясно, что на другом конце трубки над ним насмеялись и хотели причинить ему боль, но Ци Цзин вдруг почувствовал, как с души у него свалился огромный камень.

Ему отчего-то показалось... что он сможет справиться с такого рода разговором.

- Мне ужасно жаль сообщать Вам, что я по-прежнему упрямо отказываюсь прийти в себя, - сказал Ци Цзин, намеренно цитируя свою мать. А потом он упомянул Шень Яня и даже не потрудился скрыть удовлетворение в своем голосе. - Более того... я встретил человека, который очень хорошо ко мне относится, так что мы проводим каждый день очень даже нормально.

- Хмпф, - холодно фыркнул собеседник.

Трудно сказать, было ли это выражением презрения, разочарования или, может быть, удивления.

Наступил еще один период долгого молчания.

Во время этой глубокой тишины звуки музыки, доносившиеся из отцовского радио, зазвучали еще отчетливей - это была старая пьеса, которую раньше Ци Цзин очень часто слушал. Знакомые ноты просачивались в его уши, и, как будто кто-то вкладывал ему в мозг обрывки воспоминаний, он начал смутно представлять картину, которую видел каждый раз, когда просыпался в этом доме.

В те времена его сестра Ци Си только что закончила учиться и работала в их родном городе. Утром она помогала матери готовить яйца и процеживать соевое молоко, а он сам одевался и шел вытаскивать Ци Чже из кровати, чтобы быстро позавтракать и вместе сестры на автобус, шедший до старшей школы. Отец часто сидел в старомодном плетеном кресле, раскачиваясь взад-вперед и постукивая по подлокотнику в такт музыке.

Ци Цзин мог даже вспомнить, где именно стояло кресло-качалка, куда с него можно было смотреть, и какой звук оно издавало при движении. Губы Ци Цзина слегка приоткрылись и, не думая, он произнес:

- Не знаю почему, но в последнее время... я все думаю о тебе.

Например, во время того прослушивания на роль [Императора Чана]. Ци Цзин вспоминал о прошлом и неосознанно подражал тому, как его отец, напившись, вел себя в гневе. Чем реалистичней становилась его игра, тем она больше доказывала, что воспоминания об отце все еще были похоронены в каком-то ящике в глубинах его сердца. И в эти дни он открывал тот ящик все чаще и чаще.

- Наверное потому, что я так долго не был там. Хотя я не могу вернуться, я все равно еще помню.

Неважно, об отце или о доме.

Произнеся это, Ци Цзин молча опустил голову, чтобы обдумать то, как он это сказал. Он надеялся, что его голос не дрожал, и тон не слишком отличался от обычного. Но воздух сегодня был слишком холодным - Ци Цзин не удержался и шмыгнул носом.

Человек на другом конце, казалось, хотел промолчать весь разговор и ничего не сказал в ответ.

Спустя некоторое время Ци Цзин первым оставил эту тему, иначе они оба не смогли бы найти выход из ситуации:

- Честно говоря, я позвонил сегодня потому, что у меня вот-вот начнется интервью, и я хотел заранее немного потренироваться.

- Потренироваться? Уже шесть лет как работаешь репортером, а у тебя все никаких перспектив, - похоже, что его отец еще помнил, как давно он поступил на работу.

- Это потому, что собеседник - некая мать, - Ци Цзин остановился на мгновение, не уверенный, стоит ли продолжать, но подумал о том, что он уже принял решение. Он сделал глубокий вздох и медленно произнес:

- Эта мать, она... Она в прошлом бросила своего сына, поэтому я сегодня задам ей несколько вопросов от его имени, - не дожидаясь ответа собеседника, Ци Цзин после короткой паузы с самоиронией рассмеялся.

- Я подумал, что если спокойно смогу посмотреть в глаза своим родителям, которые меня бросили, то безусловно, смогу смотреть в глаза и ей. Если я знаю, что думают мои родители, то, вероятно, смогу узнать и то, что думает она.

Дыхание на другом конце провода внезапно участилось, предвещая грядущий взрыв ярости.

Пальцы Ци Цзина сжались вокруг телефона.

Это ощущалось так, как будто по его сердцу ударили хлыстом: сердце осталось биться в груди, но удар заставил его сдаться. Однако с тех пор, как отец с сыном разговаривали на эту тему, прошли годы, так что Ци Цзин собрался и выстоял, сопротивляясь желанию нажать на экране телефона кнопку завершения вызова.

Странным было то, что собеседник тоже не стал быстро вешать трубку. Это походило на то, что они словно мерялись тем, кто сможет дольше продержаться, – атмосфера напряглась, а эмоции были готовы вот-вот взорваться.

– Папа, – Ци Цзин назвал его этим уже непривычным словом, но все, что он произнес, было сказано твердо, – что ты думаешь как родитель... Почему люди отказываются от своей плоти и крови? Оставляют их одних, в мире, где не на кого положиться, и без дома, куда они могли бы вернуться?

– Это должно быть потому, что ее сын сделал что-то плохое, – когда отец ответил, его хриплое и тяжелое дыхание стало отчетливо слышно в динамике.

– Нет, – резко перебил его Ци Цзин, – ее сын не сделал ничего плохого – и никогда не делал.

Они оба зашли в тупик.

Через некоторое время отец холодно сказал:

– Может быть, это потому, что ее сын не понял, что сделал что-то плохое.

Услышав это, Ци Цзин холодно рассмеялся. Он прошел несколько шагов вдоль стены и с очень большим трудом сдержал всплеск эмоций, прежде чем переспросил дрожащим голосом:

– ...Так значит, родиться в определенной ситуации или родиться с определенной предрасположенностью – это на самом деле «сделать что-то плохое»?

Человек на другом конце связи, видимо, был озадачен его вопросом и ответил не сразу.

Но Ци Цзин не мог остановиться.

– Папа, потому что я родился геем, я заслужил попасть в аварию? Я заслужил то, что почти умер в искореженной машине? Я заслужил то, что сломал две кости и остался один в больнице, где меня никто не навещал? И в самые несчастные моменты моей жизни я не заслуживаю того, чтобы вернуться домой? Я должен лишь работать без передышки, мотаясь по командировкам до оупения, я заслужил лишь это?

Выкрикнув вопросы, которые держал в себе столько лет, Ци Цзин понял, что потерял контроль.

Придя в себя, он вздрогнул, обнаружив, что покрылся холодным потом.

- Прошу прощения, - он тихо вздохнул и негромко извинился. - ...Я отклонился от темы нашего разговора.

Что его удивило, так это то, что звонок все еще длился - никто из них не повесил трубку. Если бы он был тем Ци Цзином, который существовал несколько месяцев назад, то разговор, скорей всего, уже давно бы закончился. В глазах окружающих Ци Цзин всегда был очень теплым и оптимистичным человеком, но только он сам знал, что на самом деле был очень упрямым.

Конечно, отец тоже это знал.

- Хах, - он вдруг горько усмехнулся.

- На самом деле я знаю: то, что в вашей семье появился такой «ненормальный» сын, привело к тому, что вы потеряли лицо, - пробормотал Ци Цзин в динамик онемевшими губами. - Даже спустя столько времени после замужества Ци Си так и не решилась упомянуть меня в семье своего мужа. А с Сяо Чже мы были так близки - он целыми днями ходил за мной хвостиком, а теперь даже братом не назовет. А ты и мама...

...Вы тоже предпочли бы, чтобы у вас никогда не было такого сына, как я.

Он не смог закончить эту фразу вслух.

У него сжалось горло, и он не смог произнести ни звука.

Взгляд Ци Цзина рассеянно бродил по земле, а затем он поднял голову и уставился на известковую стену перед собой. Вдруг он подумал: как только человек осознает, какова высота и толщина стены, перед которой он стоит, то, стоя под ней, он станет таким беспомощным. Даже если человек и решится преодолеть ее, то одной решимости просто не хватит.

- Честно говоря, на самом деле причина не важна - важно то, что ты не хочешь, чтобы я вернулся, а у меня уже нет возможности это сделать, - его чувства притупились; Ци Цзин сделал глубокий вздох и закрыл глаза.

- Вот поэтому, спустя какое-то время, когда я буду проводить интервью, я не собираюсь умолять эту мать снова признать своего сына или воссоединиться с ним. Вред уже нанесен, и нет никакого способа сделать вид, что ничего не случилось. Сегодня я просто хочу ее спросить: что она думает сейчас, и сожалела ли она когда-нибудь, что в то время отказалась от своей плоти и крови, вот и все.

Он сказал все, что хотел сказать.

- Спасибо. После нашего сегодняшнего разговора я более или менее понял ход мыслей подобных родителей, - улыбка на лице Ци Цзина была тусклой, но тон - очень откровенным. Прощаясь, он переместил палец к кнопке завершения вызова - ...Папа, я вешаю трубку.

Но, к удивлению Ци Цзина, отец вдруг заговорил и остановил его:

- Погоди...

Ци Цзин потерял дар речи - большой палец, уже готовый нажать на кнопку, замер на месте, так и не коснувшись экрана.

Из динамика послышался слабый отцовский кашель. Отец уже был не молод и не так здоров, как в прошлом, поэтому, когда он заговорил, голос, испорченный годами курения и пьянства, звучал особенно хрипло:

- Перезвони мне после интервью... Скажи мне, если она это делала.

Если она это делала... Если она сожалела об этом? Это так надо понимать?

Ци Цзин был ошеломлен - эта мысль поразила его даже больше того, что отец сам попросил перезвонить домой в тот же день.

В замешательстве он моргнул и неосознанно ответил:

- Хорошо...

Не успел он договорить, как из телефона донесся монотонный звук отбоя. Ци Цзин даже некоторое время слушал его, и только потом медленно положил трубку.

В этот период дня больничные палаты были довольно-таки пустынно. Утренние часы обычно предназначались для врачебных обходов, и поэтому членам семьи отказывали в посещениях, а в коридорах можно было встретить только медицинский персонал, сновавший туда-сюда.

К счастью, Ци Цзин раньше делал репортаж из центральной больницы провинции, и у него были контакты в администрации госпиталя, поэтому ему, как тележурналисту, регистратура не стала устраивать никаких проблем. Использовать связи на этом уровне, чтобы проникнуть в отделение, не составляло для него особого труда.

Без всяких усилий Ци Цзин нашел палату, в которой лежала та женщина.

Однако ее там не было.

Медсестра, которая отвечала за обход палат, сказала ему, что та женщина часто уходит одна, чтобы посидеть в каком-нибудь укромном уголке, безучастно смотрит в окно по два-три часа и редко общается с медсестрами и другими пациентами.

- А еще я никогда не видела, чтобы ее навещал кто-то из семьи, - сказала сестра.

Ошеломленный Ци Цзин после такого горько рассмеялся про себя - Мама Шень, я не ожидал, что у нас с вами будут похожие переживания.

- Доброе утро, - в тот момент, когда женщина отстраненно глядела в окно на наполовину ясное, наполовину пасмурное небо, она вдруг услышала, как с ней кто-то поздоровался живым, ярким голосом. Вздвогнув, она быстро повернула голову.

В этот час и в этом месте больницы почти никого не было, даже врачи и медсестры редко проходили мимо. В коридоре тихо стоял только один молодой человек.

Одежда молодого человека была простой: однотонная, аккуратно застегнутая рубашка, на первый взгляд довольно удобная, фасон которой выглядел весьма интеллигентным, но в то же время свободным. Его внешность не заставила бы любого ахнуть от изумления, бросив лишь взгляд, но черты лица говорили о порядочности и интеллекте. Даже его поза казалась вежливой, а губы слегка изгибались, как утреннее солнце.

К несчастью, сломанная левая рука портила весь вид.

Толстый гипс висел на перевязи в районе талии, в рукав пальто была продета только правая рука, а слева оно было просто наброшено на плечо.

Любой, кто увидел бы эту личину, точно понял бы, что у него сломана рука, а значит у него была вполне правдоподобная причина появиться в этом больничном отделении.

Но причиной, по которой женщина немедленно побледнела, было вовсе не это.

Причиной было то, что она узнала этого молодого человека - накануне, когда она встретила Шень Яня, тот стоял рядом именно с ним, так что он точно был с Шень Янем.

- Ах... - лицо женщины стало совершенно белым, она вся замерла, неподвижно сидя на том же месте, как каменная глыба.

- Тетушка, - на самом деле Ци Цзин это заметил, но не изменился в лице и продолжал ей нежно улыбаться, - какое совпадение, ваша палата тоже на этом этаже.

Сказав это, он не дал женщине шанса встать и уйти и перехватил инициативу, указав на место рядом с ней.

- Я присяду сюда, если это вас не побеспокоит?

Было видно, что женщина забеспокоилась и даже запаниковала, но не смогла придумать причины для отказа, поэтому лишь слегка опустила голову и немного отодвинулась в сторону от Ци Цзина. Пока он усаживался, подошвы ее туфель беспокойно терлись о пол, как будто она стремилась изо всех сил ускорить ход времени.

С виду казалось, что Ци Цзин опустил голову, чтобы смахнуть пыль со скамейки, но на самом деле он продолжал наблюдать за языком ее тела.

- Тетушка, - он мягко позвал ее еще раз, - вы уже позавтракали?

Женщина ничего не сказала, только быстро покачала головой.

- Я понимаю, еда из здешней столовой действительно противная, - Ци Цзин испытал это на себе, пока лежал в больнице, поэтому на самом деле мог создать впечатление, что все еще здесь лечится.

Женщина по-прежнему ничего не говорила.

Шень Янь и медсестра действительно не лгали: она не любила общаться, так что разговорить ее такому полностью незнакомому ей человеку, как он, было еще более сложной задачей.

В этот момент Ци Цзин опустил глаза и слабо рассмеялся. Скорее, это нельзя было назвать смехом, более точным вариантом было бы сказать, что он вздохнул. Вероятно, удивившись его смешку, женщина слегка на него покосилась, но увидела только опустошенное выражение лица. Ци Цзин продолжал смотреть в пол, не говоря ни слова, и она неосознанно была вынуждена глядеть на него еще некоторое время.

- Тем не менее... Люди вроде меня, у которых нет семьи, и которых никто из родственников не навещает, могут только есть эту мерзкую пищу в одиночестве, - тихо произнес он. - Ведь что, кроме этого, еще для нас есть?

Когда женщина это услышала, ее крепко сжатая кисть внезапно расслабилась и перестала сжимать запястье другой руки.

То, что она расслабила руку, означало, что она и сама слегка расслабилась.

Если собратья-страдальцы со всего мира когда-нибудь захотели бы встретиться, то лучшим

местом для сбора стала бы больница. Сочувствие всегда было лучшим ключом для того, чтобы любой человек открыл рот.

- Ваша семья не хочет навещать вас?

Когда женщина произнесла первое предложение, которое захотела сказать сама, в глубине глаз Ци Цзина что-то прояснилось, но он предпочел скрыть это в тени, чтобы она ничего не заметила.

- Угу, - хмыкнул он в ответ и даже поднял руку, чтобы слегка потереть нос. - Я попал в автомобильную аварию и сломал обе кости в руке. Спасатели на месте аварии сказали, что было чистой удачей, что я не погиб... А теперь я остался один в больнице, но никто из моей родни не пришел меня навестить.

- Автомобильная авария... - у женщины побледнело лицо, и голос слегка задрожал, когда он повторила это за ним.

Было ясно, что для нее «автомобильная авария» означало что-то вроде ужасного испытания, более того, травма, которую получил Ци Цзин, была очень специфичной, и из-за этого ей было еще труднее поверить в то, что его никто не навещал.

Пока она шептала, опустив голову, Ци Цзин глядел на нее. Когда он это заметил, то органично добавил самую важную информацию:

- Даже мои родители... они не придут.

Внезапно женщина вздрогнула и надолго замолчала.

Ци Цзин не собирался продолжать рассказ. Ему пришлось ждать. Ждать до тех пор, пока женщина сама не спросит его о причине.

Это и впрямь было испытанием терпения - особенно в ситуации, когда он не был уверен, что сможет заставить собеседника проявить инициативу и задать вопрос. Такое ожидание было своего рода пыткой.

К счастью, эта пытка не длилась слишком долго.

- Почему? - спросила женщина.

Голос выдавал напряженную борьбу в ее душе, потому что дрожал с каждым словом.

Ци Цзин не сказал ничего, глубоко вздохнув.

Спустя долгое время он наконец заговорил, лицо у него было невыразительным:

- Потому что... они меня не хотят. Много лет назад мои родители меня бросили.

Примечание автора.

Честно говоря, в сравнении с папой Шень и мамой Шень семья Ци Цзина кажется более нормальной... =[]= (Какое пугающее сравнение).

Итак, мама Шень, ты же знаешь, что разговариваешь со своей невесткой, правда?!!

<http://bllate.org/book/13906/1225633>